
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.Yu. Goloborodko
**State Cultural Policy of Russia:
on the Issue of Value
Measurement of Nation-Building**

The phenomenon of the state cultural policy in the context of defining the value navigators of state administration is considered. On the basis of the vital approach the author analyzes the opportunities of accumulation of the protective and guarding potential of culture as valuable content and strategic regulator of the administrative decisions in view of the increase of viability of Russia and the enrichment of the tools of nation-building.

Key words and word-combinations: state cultural policy, value measurement of administrative decision making, nation-building.

Рассматривается феномен государственной культурной политики в контексте определения ценностных ориентиров государственного управления. Посредством обращения к витальному подходу осуществляется анализ возможностей аккумуляции защитно-охранительного потенциала культуры как ценностного контента и стратегического регулятора управленческих решений в координатах повышения жизнеспособности России и обогащения инструментария нациестроительства.

Ключевые слова и словосочетания: государственная культурная политика, ценностное измерение управленческих решений, нациестроительство.

УДК 008.001(470)
ББК 71.4(2Рос)

А.Ю. Голобородько

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

О ценностях Российского государства после двадцатилетия либерально-космополитических реформ вновь начали говорить с самых высоких трибун. К ним активно апеллирует глава государства, руководители и представители Правительства РФ, обеих палат Федерального Собрания, известные и авторитетные деятели науки, образования, культуры. Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что любое управление, как и осмысленное движение, без ценностей как целевых регуляторов и генераторов не обходится. Вопрос – в их конкретном выборе, в том, являются ли они явными или теневыми, осознанными или навязанными лоббистами или внешним влиянием, гармоничны ли стране или противоречат ее традициям и цивилизационным кодам и формулам успе-

ха. Один из главных вопросов: что есть ценности применительно к государственному управлению?

Прежде всего необходимо уделить внимание рассмотрению имеющих принципиальную важность в контексте изучаемой проблематики категорий: «государство» и «ценности». Под государством в данном случае понимаем организованность и упорядоченность существования территории, деятельности проживающего на ней населения при единой системе государственного управления. Речь идет, таким образом, не о государстве в узком смысле этого слова, а о государственности – понятии близком к понятию страны [1, с. 5]. Сущностные признаки страны выражаются триадой необходимых компонентов: территорией, народонаселением, публичной властью (государственным управлением).

В рамках различных аксиологических школ исторически сложились несколько подходов к определению источников происхождения ценностей; они условно группируются в рамках трех направлений: происхождение ценностей с установлениями Творца; ценности – продукт сознания; ценности – продукт биологических потребностей человека [1, с. 14–15]. Очевидно, что во всех указанных случаях анализируются отдельные уровни человеческого бытия, что приводит зачастую к фрагментированию и ценностной деформированности.

В рамках настоящей работы осуществим попытку (вслед за В.Э. Багдасаряном и С.С. Сулакшиным) применить витальный подход к определению и изучению ценностного континуума, релевантного в настоящий момент развития нашей страны с точки зрения целостного рассмотрения инструментария укрепления российской государственности и развития общественных институтов; в связи с этим рассмотрим феномен государственной культурной политики как один из факторов повышения жизнеспособности живого (как будем его считать в аспекте использования витального подхода) организма – социально-культурной и политической системы современной России – посредством аккумуляирования защитно-охранительного потенциала культуры в практике государственного управления.

В качестве отправного посыла, в развитие тезиса об обращении к витальному подходу к анализу факторов повышения жизнеспособности России как живого организма, проанализируем некоторые актуальные характеристики триады фундаментальных оснований существования страны: территории, народонаселения и государственного управления. При этом осуществим обращение к интегрированному, комплексному, методологическому конструкту: исследуем манифестируемость составных компонентов триады в отношениях взаимовлияния и взаимобусловленности.

Территориальные масштабы России на протяжении ряда столетий, как известно, последовательно возрастали. С приходом к власти Романовых, вплоть до Николая II, не было ни одного царствования, которое не приращивало бы территорию. Территориальный апогей был достигнут при Александре III в связи с завершением российского продвижения в Средней Азии. С началом XX в. территориальная динамика меняется, однако к середине века ряд потерянных было территорий возвращен... С распадом СССР происходит очевидное падение территориальных показателей.

Новая Россия: апофеоз 2014 г., важнейший тренд, оказывающий влияние на жизнь страны – возвращение в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя; как отмечают представители экспертного сообщества, Россия вернулась в историю, но вернулась не только как государство с его институтами, в историю вернулась российская нация, причем вернулась, по мнению части, например, западного мира, со своим пониманием правильной концепции мироустройства, но одновременно с этим – с ясным осознанием своих территориальных притязаний и, более того, с готовностью жертвовать благополучием сегодняшнего дня во имя сохранения нации [2].

В контексте анализа ценностного моделирования предположим, что воссоединение с Крымом может получить интерпретационную модальность в парадигме выявления соразмерности масштаба нынешней России с ее историей, обуславливающего возможность манифестируемости России как реального субъекта современной истории. И именно это открытие, на наш взгляд, отозвалось в народе высокой степенью гордости и радости, способствуя его (народа) включению в реальный исторический процесс и «превращению» его в важнейший политический ресурс для субъектов государственного управления.

В 2013 г., выступая на Валдайском форуме, Президент России В.В. Путин, в частности, отметил, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии; такая конструкция неустойчива и очень уязвима... Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а живой организм [3].

Полагаем, что важным ценностным приобретением, значимой точкой роста жизнеспособности и фактором укрепления национальной безопасности России в ситуации после «крымской весны» можно считать реальные перспективы создания и расширения естественных условий для живого процесса исторического творчества нации, необходимого и востребованного в аспекте качественного и конструктивного диалога власти, общества и науки в рамках поиска новых опор развития в сфере определения релевантных, с учетом исторических традиций и современных трендов, стратегических путей нациестроительства; разработки продуктивных механизмов смыслового наполнения пространства национального сознания россиян и инструментов обогащения «культурного ядра» народа России.

Известный отечественный исследователь в области психологии личности В.А. Петровский, занимавшийся вопросами «отраженной субъектности», описывая этот феномен с точки зрения «следов» присутствия личности другого человека (как правило, значимого Другого) в субъективном мире индивидуума, указал на то, что существо психического отражения, в частности, явлений социального порядка необходимо трактовать в парадигме смысловой проекции отражаемой реальности: «Понятие отраженной субъектности выражает особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение» [4, с. 21]. Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизнен-

ных отношений к миру последнего. В рамках анализируемой концепции выделяются следующие формы (этапы) отраженной субъектности, которые можно обозначить как модусы существования Другого в смысловом пространстве субъекта социального познания: влияние со стороны партнера переживается непосредственно в ходе взаимодействия, присутствие Другого в субъекте отражения не связано с его фактическим присутствием в наличной ситуации, но активное деятельное начало Другого изменяет взгляд на вещи субъекта социального познания, не оставляет его равнодушным, имеет для него тот или иной личностный смысл, представленность Другого становится неразличимой от собственно Я, происходит смысловая интеграция значимого Другого в структуру собственной личности: имеет место явление «претворенного субъекта» [4, с. 18–21]. На этапе претворенного Я фактически теряется взаимоотноительность субъектов, и, следовательно, разрушаются идеологические формы между ними: Я одного уже неотделимо от субъективированного им Я Другого.

На наш взгляд, концепция отраженной субъектности открывает очевидные перспективы объяснения известных социальных феноменов, например конформизма / конформности и аномии, представляющих для нас интерес с точки зрения описания инструментов «предвидения и распознавания» (в терминологии С.Г. Кара-Мурзы) угроз и опасностей для национальной безопасности в нынешней фазе обустройства России как социокультурной целостности и рассмотрения аксиологического контента – целевого регулятора и генератора – государственной политики в сфере культуры в контексте разработки инструментария их (угроз и опасностей) преодоления.

Действительно, изменение собственной позиции или характера поведения в условиях реального или представляемого субъектом давления со стороны другого человека или группы людей возможно в том случае, если те, кто влияет на изменение мнения, социальных установок или паттернов поведения человека, действительно представлены в его субъективном мире. Как показывают экспериментальные исследования, в частности, конформности, человек готов отказаться от собственного мнения, которое до момента влияния со стороны окружающих представлялось абсолютно очевидным и неоспоримым, в пользу совершенной нелепицы... причем часто «измена здравому смыслу» [5] может не осознаваться самим человеком, испытывающим влияние. По всей видимости, чем большее смысловое пространство занимает Другой в мире субъекта, тем скорее собственное Я будет руководствоваться представлениями Я Другого.

Очевидным проявлением переустройства смыслового поля человека в результате осуществленной политики инкорпорирования западных ценностей в социальном пространстве России 1990-х годов, входящем сегодня в число очевидных угроз и опасностей функционирования государства и общества, является феномен аномии, которую также рассмотрим в контексте концепции субъектной отраженности.

Аномия (букв.: беззаконие, безнормность) – это социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение; это состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики

и права [6]. Американский социолог Р. Макайвер называет аномией разрушение чувства принадлежности к обществу, отмечая, что человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. «Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого» [7].

От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения – вот условия возникновения аномии... неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушающего поведения.

Пусковым механизмом процессов, обуславливающих развитие феномена аномии, считается «культурная травма». Как известно, это понятие в обиход введено польским исследователем П. Штомпкой, который писал: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы... если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых; ценности теряют ценность...» [8]. Культурная травма – явление инерционное, оно может сохраняться и в следующем поколении и дает о себе знать, даже если положение стабилизируется [6, с. 274]. При этом в отношении России факторами углубления аномии в период «неоднозначных 90-х» стали уход государства от выполнения спланированной функции и ценностный конфликт с большинством населения [6, с. 280]. Культурная травма – очевидная социальная болезнь, и избавиться от этой патологии можно только через серьезную государственную программу лечения и реабилитации.

В нашем понимании в качестве продуктивного инструментария реабилитации и сплочения российского общества, наполнения ценностного вакуума его акторов дефицитными и востребованными духовными и нравственными мотивами можно рассматривать разработанный нами когнитивно-методологический конструкт, представленный в виде государственной культурной политики, рассматриваемой в контексте обеспечения национальной безопасности современной России. Авторский теоретико-методологический конструкт (предметно описанный нами в ряде предыдущих публикаций) позволил, в частности, выявить тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста; определить ценностно-смысловые основания культурной политики, ее ресурсное и технологическое обеспечение; описать место и роль особого актора культурной политики – политической элиты, эффективность деятельности которой способна существенным образом повысить продуктивность использования инструментария государственной культурной поли-

тики в системе национальной безопасности современной России, обеспечивая повышение жизнеспособности функционирования страны [9]. Изучаемая нами в том числе в русле положений, определенных «Основами государственной культурной политики» [10], культурная политика как исследовательский конструкт, нацеленный на разработку комплекса управленческих решений на уровне органов государственной власти, призвана аккумулировать мощный защитно-охранительный механизм культуры и обеспечить укрепление национальной безопасности России в аспекте защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз и опасностей.

Возвращаясь к «фактору Крыма» следует подчеркнуть его значение с точки зрения возрождения духовных скреп для сплочения народа России, получившего реальную питательную почву для развития себя как нации, обладающей релевантным в контексте самосохранения и саморазвития ценностным контентом: не секрет, что в последние четыре века нация и принадлежность к ней были важными признаками социальной классификации; национальные государства стали главной формой политической организации, самой устойчивой и многосторонней по своим функциям; национальное государство показало исключительную эффективность в сплочении населения страны, выработав при этом качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для идентичности и самосознания людей – гражданственность [6, с. 175].

Нации как новый тип сообществ, в которых этничность сопряжена с гражданством (или даже преобразована в гражданство), – порождение Западной Европы в эпоху Нового времени. Экспертное мнение свидетельствует о том, что этот тип сообществ позволил резко повысить эффективность государства. Не секрет, что и в незападных странах освоение технологии нациестроительства оказалось одной из важнейших составляющих модернизации (строительство новой китайской нации в XX в., создание индийской нации, «сборка» советского народа и др.). Понятие нации стало ключевым как в отношениях населения со своим государством, так и в пространстве международных межгосударственных отношений.

Все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они проектируются и конструируются; эта закономерность – явление культуры: население собирается в народ / нацию на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»), которую необходимо постоянно строить, обновлять, реконструировать. Народ – это не совокупность людей, а система связей, предопределяющая их единство и солидарность [11].

У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается эпри помощи спектакля (по терминологии Ги Дебора), построенного на отрицании и возбуждении эмоций (пример «оранжевых» революций в странах СНГ и украинских событий – очевидное тому подтверждение). Как отмечает профессор С.Г. Кара-Мурза, упразднение государств и уничтожение народов сегодня происходит не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания этносов... [6, с. 73–74]; внешние атрибуты державы, и вообще независимой страны, – сильная государственность и наличие национального

проекта, понятого и поддержанного большинством общества, но за ними стоит главное – существование народа; в народе, в отличие от населения, люди связаны так, что «целое больше суммы частей».

Следовательно, реализация системы научно разработанных и практически реализуемых политико-идеологических и организационно-технологических мер внутреннего и внешнего характера, репрезентируемая нами как государственная культурная политика, в качестве одного из своих имманентных свойств имеет направленность на сплочение народа России и нациестроительство посредством инструментария, позволяющего внести вклад в перестройку ценностной матрицы народа, восстановление целостного культурного пространства общества, активизацию духовно-интеллектуального потенциала культуры.

В завершение, обратившись снова к «психологическому» контексту наших размышлений о природе ряда социальных феноменов, представляющих реальную угрозу жизнеспособности России, в том числе в аспекте обеспечения национальной безопасности, подчеркнем, что возможность социальных контактов человека обеспечивается тем, что его личность «заселена» другими людьми, в том числе теми, кто прекратил свое существование [12, с. 114]. В связи с этим особое место в модели разрабатываемой нами государственной культурной политики занимает разработка и описание инструментария поддержки и развития феномена исторической памяти посредством комплексной системной культурно-просветительской деятельности (в терминологии А.М. Старостина [13]), реализуемой как в рамках функционирования органов государственного управления, субъектов сферы культуры, науки и образования, так и в пределах общественных институтов.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. (Политическая аксиология).
2. С чего начинается Родина (рубрика «Человек года») // Эксперт. 2014. № 51.
3. Политическое образование. 2013. 30 сент. URL: www.lawinrussia/
4. Петровский В.А. Принцип отражения субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4.
5. Аронсон Э. Общественное животное. М., 1998.
6. Кара-Мура С.Г. Кризисное обществоведение. М., 2012. Ч. 2.
7. Феофанов А.К. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // Социс. 1992. № 5.
8. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.
9. Голобородько А.Ю. Социальное и политическое пространство реализации государственной культурной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности // Вестник ПАГС. 2012. № 4 (33). С. 15–24.
10. Основы государственной культурной политики: утв. 24 дек. 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808. М., 2015.
11. Ремизов М. Реставрация «фрусского» // Эксперт. 2014. № 48.
12. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Самара, 2000.
13. Старостин А.М. Модели образования в философии образования: механизмы формирования // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования: сб. науч. трудов. Ростов н/Д., 2012. С. 3–20.